

УДК 39
Т 65

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодialectный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-215-2

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-91674-215-2

Иногда чудо воспринимается как награда за страдания, ниспосланные Богом. «В наший диревни жила адна жэнщина. У ниё была бальшая симъя. Но так случилась, что посли синакоса ани все уселись в грузавик и паехали дамой, а эта машина налитела на пинёк и пиривиринулась. Посли этай страшней аварии муж и четвира дитей пагибли. А ана чудам уцилела. Посли этава жэнщина очэнь часта начала малица. Аднажды утрам ана проснулась и увидила, что иё комната была вся асвищина иконами. Ана взяла адну икону и атнясла в церкву. Да сих пор люди молюцца на эту икону, а ана как новая» [ФПП, пос. Сурское; КЕА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1991].

Обновляясь, икона показывает человеку, что он поступает правильно по отношению к ней. «У меня у самой плакала икона. Я иё сама абида. Ана у миня стаяла в пиредним углу, а я иё взяла и на кухню выставила. И ана у миня вот заплакала. А патом вот кагда я маме сказала. Я гаварю: "Мама, икона плачет". Ана гаварит: "Дочынька, зачем ты иё в кухню — ана на тибя абидалась". Я иё апять паставила на сваё места, но ана у миня как абнавилась — ана стала светлая!» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2002-15]. «У миня у самой поновилась. У нас спирьва-то эти разоряли. И вот выгнали нас с квартиры-ти, и она в анбари лежала. И вот я из анбара её принёсла. И она была чёрна-чёрна. Чёрна. Вся чёрна. Иш вон угол-то остался. Вот. И она вот зажёшь этот огонь, свет-ат, и она вся, как янтарна. А ища ездила, мне операцию сделали, я ни видала, а у меня племянница приехала, говорит: "Крёсна, у тя как икона-та стала, ты чоо падделявала?" Я вот говорю: "Ничао". — "Эт она у тебя поновилась". Вот болею, болею — она у меня была чёрна-чёрна, вся чёрна. А щас вон стала какая! Ну, вот каки чуды-ти палучаются! Чуды-ти палучаются» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

А.П. Липатова

ОБОРОТЕНЬ

Оборотнями в Ульяновском Присурье называют людей, умеющих изменять свой облик (иностась). Данная способность нередко осознается в ряду других необычных умений и знаний, которыми обычно наделяются ведьма или колдун (см.). Это обуславливает нередкое отождествление указанных персонажей и соответствующую номинацию. «Вот этих людей [=умеющих оборачиваться] называли "калдуны"» [ПАН, с. Араповка; СЕВ Ф2007-18]. «Одна колдунья была — вот по ночам всё то козой, то свиньёй бегыла за молодёжью, делялась» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]. «Да вот, наверна, эта самыи колдуны, каторы оборачивающца» [КРГ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-7]. «Ну, гаварят, там ведьма кака-та бегыйт или там свинья, мыл, какаи-та бегыйт. Чилавек — а вроди в свинью привратицца. Или калдун какой-та бёгыт, — каму-та чаво-та видицца» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян.].

Часто номинации данных персонажей даются через отлагольные наименования процесса оборачивания (при этом само название «оборотень» может не использоваться рассказчиками: указывается некто, умеющий обращаться, а также его конкретный облик). «У нас вот адна была женщина, умирала тожи... А магазин у нас вот был на праулки, яво щас нет. И предсидатель калхоза (яво тожи нет — все помирили)... И ана ибратилась сабачонкой чёрнинькой. Бегат и бегат, грит, бегат — па окошкам бегат. Он иё паймал, паймал — атрезал ей уши. Ана долгя хварала, очинь долгя... И пиристала [обращаться]. Снаху тада ана испортила — нихароша была баба. Вот бегыла, вот ани дельноцца как-та кошкими, сабакими, дельноцца как-та — вот калдуют» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян.].

В Ульяновском Присурье встречаются следующие номинации процесса оборачивания: *сделыца* (*дэлыца*, *дэлылась*), *становица*, *обирнёца* (*оборачивающца*, *абращалась*, *ибратилась*), *пиривёртывацица*, *кувыркуюцица* (*пирикувывыклились*), *пирикатицица*, *прыгали* и *пириварачивались*, *наряжался* (*нарижались*), *пирипригивала* (*пирипригнуть*).

Основные ипостаси оборотней — различные животные и предметы. Наиболее часто упоминается облик домашней скотины — свиньи, коровы (теленка, быка), овцы, козы, барана или лошади (жеребенка). «Ну, вот у ней [=односельчанки] мать-та была колдунья. Вот сделыца тиленкам или ишё чиво, или свиньёй сделыца» [АМК, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5]. «Люди видали: вроди таво [одна] абаравилась в свинью» [ЗАА, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47]. «Лошидю абаравились. Адин раз на стрелку ездили два раза, грит, за снапами. Ни лошидь, а чилавек абарочинный, вот видали» [СЕВ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-3]. «Ани идут шесть старушкав — все сродницы, <...> и вот ат科尔 взялси барашик — и в ноги пырят. Ани, старушки, бягом побяжали — он за ними» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян.].

Также рассказывается об оборотнях, превращающихся в таких животных, как кошка, собака, ревек — волк. «В виду кошки или чем-та она [=односельчанка] делялась» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]; «Да, может: может и в кошку, может и в сабаку. У нас вот адна была женщина, умирала тожи. <...> И ана ибратилась этый... сабачонкой чёрнинькой» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян.]. «Оборотни-то наряжались — волком или собакой, а потом человеком делался. У нас в селе мужчина ходил — волком наряжался» [СИС, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.2, 1981].

Иногда называются предметные ипостаси — например, колесо, бревно, самовар. «Вот мы, бывала, грит, идём — катицца колисо, да и всё, катицца, грит, колисо. Ну, в зимнии время катицца колисо, — откуда? На тилеге ни ездют» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]. «Мы, грит, сидим, а вот Мёртвый-та праулак у нас вот здесь. Сидим, грит, вот окыла ниво (ани вот тут в улицы жили) — рибятишки, дивочонки сидим, говорят, глянула: "Эта што в Мёртвым праулки — самавар! Самавар — и ножки, и всё, и ат ниво — пых! пых! — прям огонь!"» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян.].

«Рассказывали: и свиньёй обрачиваца, и тилёнкам, и лошидью — любым — и бривном, и самаварым» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31].

В некоторых случаях важнее оказывается сообщение о самой способности обрачиваться, чем уточнение ипостаси. «Чем захочишь, тем и абирнёцца. <...> И вот на каво он там задумает — ну, там на парасёнка, или на бвцу, или на козу, ну, на чё задумат — и тем становицца» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31]. Однако в описаниях непосредственного столкновения с оборотнями их облик всегда конкретен.

Одним из важных признаков, благодаря которому, например, во встреченных собаке, свинье или жеребце распознается оборотень, является странное поведение животного. «Да, нидалико жила с нами. Наридалась сабакой, каляски вон малинькии, дитеи вазили, дириянинькии калясычки были, ана наридалась, а эта баклушина была загорожина, запружина, ана круг этай и бегыт, и бегыт с калёской-та. <...> Как запряжёна эта в каляску и носицца круг, ага, наридалась сабакай и хлыщит. Ана наридицца, — ана ни чилавекам, а наридицца или там каровой, или там сабакай, или чем» [КПТ, БРА, КАВ, с. Кирзя; СИС Ф2000-16Ульян.].

Для того чтобы заподозрить в животном оборотня, иногда достаточно элементарных отклонений в обычном поведении. «Сабакый нарижались люди, свиньёй, — па-всяки. Раз пришла с работы — у миня на дворе лижат две свиньи. Выкыпали, главна, ямы и лижат — адна эдак, другая эдак [показывает рукой на разные стороны]. Аткуда взились свиньи? Я взяла харошу шилушину да давай их гнать са двора-та. Угнала, а нада мнай смиялись патом: “Загнала [бы], грит, да зарезыла!” Я грю: “Ну, да! Валхуны [=колдуны] каки-та, а я буду резыть!” Вот. Были» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Обернувшийся может преследовать свою случайную жертву, пытаясь не пропустить далее, укусить, «запырять», навредить, что также служит его опознавательным знаком. «Идёт чилавек, падходит: думашь, эта чилавек, а эта свинья... И ни даст тибе ходу, ходу никакова ни даст. И да тех тибя будет мучить — да самыва двара» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян.]. «А то одна коровой обрачивылась. Эта моя мать рассказывала: мы, грит, шли один раз с улицы — бяжит и бяжит за нами корова, бяжит и... Мы, грит, на крылец — и она за нами на крылец, да» [ПМЯ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «Вот сделыцица тилёнкам или ишё чиво, или свиньёй сделыцица. <...> Вот бегат за тобой и корму ни просит иничиво» [АМК, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5].

Помимо странного поведения обернувшийся распознается по необычному внешнему виду и другим характерным атрибутам: цвету шерсти, большому росту, искрам из-под копыт и др. «В овраги-та у нас колодиц, вот дохожу я до этыва колодца — стоит собака, вот такая вышиной [показывает от пола рукой], бёла, бёла-бёла, как снег. Как эту пасть разинула, пасть-та уж больна страшна. <...> И вот нивидимай [=невиданной] высоты, прям вот такая собака» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]. «Вот идём мы аттуда, вот да аднаво

дома дашли, где эта щас Тамара Качиткова живёт — в их праулык. И из праулка выходит лошидь сёра в яблоках. А из-пыд копыт прям эти — литят искры. Мы напугались — в обратну пабягли» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

В отдельных рассказах поведение оборотня близко к действиям других мифологических персонажей — например, преследующий оборотень, как и приходящий мертввец (см. Летун) или русалка (см.), может спрашивать свою жертву, едва спасшуюся от погони: «Что, догадался?» «Шли мы гадать, и бежит за нами свинья. Дошла до крыльца и говорит: “Догадались?”» [ЕПА, с. Елховка; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981]. «Сабачонка — бижит и бижит. Ани атпугивают, ана никак. Прям да дому дашла, да дому дашла, и вот он, тада Ваня-та рассказывал, как щас помню — в избу вбижала! [Она] гаварит: “Што, напугался?”» [БАГ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян.].

В качестве основной цели «перевертывания» наиболее часто называется желание оборотившегося «людей пугать», «наврить». Характерно, что оборотнем могли пугать детей (см. Пугать). «[Оборачиваются] людей пугать, може, какого досадчика кусать, пугать» [САВ, с. Ждамирово; ММГ ФА УЛГПУ, ф.17, оп.2, 1981]. «У нас в селе мужчина ходил. Волком наряжался. Испугать хотел» [СИС, с. Ждамирово; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981].

Иногда это стремление данного персонажа специально мотивируется: оборотень преследует своих обидчиков, чтобы отомстить; обратившаяся родственница (например, мать или тетка) хочет помешать влюбленным встречаться и т.п. «Наряжались лошадью. Была покойная Матрена: нападет на человека, изломает, на кого зла» [ПТИ, д. Кольцовка; ММГ ФА УЛГПУ, ф.17, оп.2, 1981]. «И тем становицца [=обернется], и бегыт за рибятишками, за дивчонками — пугайт» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31]. «Но делыли. Зачем? Она же бижит — как чилавеку наврить. Вот ведь она для чиво бижит. Вот так» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-14]. «У нас вот, я гаварю, мать-та арапывска, а у ней был брат старший, Аляксандрым звали яво, в гражданску [войну] пагиб. Он хадил к адной в Араповки — Дунькай звали, грит, девку, мать всё рассказывала. А ей этый ни нравильсь — тётки: “Брось хадить к Дуньки! Брось, Санька, хадить к Дуньки!” Он грит: “Как ей ни нравицца!” Ана, видна, этим делым-та занималась, хатела иво напугать. Свиньёй ибратилась, а он ни растирялся: сел на ниё вирьхом, и уха атрезыл ей, в платочек завярнула... А наутра-та пашёл к ней, к тётки-ти: ага, ана лижит на пичё, завязанна, пиривязанна: “Тётка, эта ни твоё уха-та? Я, — грит, — резал свиное, а принёс дамой чиловечы!” Ана: “Дурак! Я проста напугать тибя хатела!”» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Естественной и наиболее распространенной реакцией со стороны человека на такую встречу является испуг, стремление убежать, скрыться от преследующего. «Ну, ёдим с улицы там всё дамой уж на виласипедах, и вот тут у школы выбегат свинья са стороны. Ну, мы вроди напугались и — шибче» [ААИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5]. «А у миня была их троя [=сестёр], да. И вот ана бижит из клуба: “Скарей аткрывай мне!” Крылец вот атсюда,

а за ней свинья бижит, прям вот эдак бижит и бижит свинья. Топ-топ на этом, — я открыла, ана забигла қа мне, и всё... А ана [=свинья] встала и пашла. Ну, у нас нидалёчка была тут така старуха, ана — обрытинь» [УАП, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47].

Если жертва находится далеко от дома, то нередко преследуемый остается ночевать у родных и знакомых (поскольку встреча с оборотнем почти всегда происходит в темное время суток). «И я, значит, мы с ней сидим на крылечки (вот на этой старане мы жили, на другой — ани), сидим на крылечки, всё. Уже поздна, ночью свинья. Мы с ней скарей в этат — ва двор, в дом. Я грю: “Люба, я ни пайду дамой начивать, ни пайду!” <...> Наутра дамой прихажу, папа гаварит: “Ну, всю ночь свинья хадила у двара! Всю ночь хадила вакруг дома!” Вышил — паглидел: свиньи сваи спят» [УЛА, с. Белый Ключ; СЕВ Ф2009-14].

Другой реакцией на встречу с оборотнем является применение определенных защитных средств: например, читать молитву, бежать не оглядываясь, использовать определенные магические приемы. После этого оборотень обычно исчезает. «Вот здесь ишё какии калдуны-та: ани то свиньёй обаротюцца, то каровой, то чем. Я адин раз иду (эта бýла, наверна, ну, часов в адиннадцать [ночи]), и мне карова навстречу: рага бальшие, вымия вот эдака [огромное]. А я вот эдак: “Ма!” Я взяла... я к кой-та калие [=коло], и ана мне эдак. Я на другую — и ана за мной! Я стала и начала читать “Живыи помыщи”, и ана пррапала» [ВЕМ, ВРМ, с. Засарье; ЦАО Ф2000-9]. «[Встретила собаку-оборотня] А мне кто падсказал, тогда ишё ни в этой [деревне], а раньши я от ково-та слыхала, что от страсти нада бижать ни оглядываясь, и я мима ниё прабижала, прабижала, аттуда в гору, прабижала, бижала-бижала, в гору выбижала, оглянулись: бижит ли за мной или нет? <...> Ищезла кудай-та» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]. «Эта у нас папа... Где-та вот здесь вот пилили. Ну, и в адной деревни кончили — пашли в другую. И вот, грит, откуда ни вазьмись — свинья. Бижит и бижит, бижит и бижит. Мы, грит, иё барабачивам-барабачивам — ана ни в какую. А ведь у нас папа — он набыжный, малитвы ведь всякии знат. “Ну, грит, если ты правдыши свинья, то ты так и пабижишь. А если ты тут чем... то я тибя пакружу тут”. Ну, вот. Он два раза, значит, пирикристился, памолился, всё. Ана и ни туды — и ей и назад-та ни идти и впирёд-та ни идти. <...> Ана [=оборотень] гаварит: “Ударь! Памались и ударь третий раз наётмыши! И варачусь дамой”. Эта вот папа сам рассказывал. Раньши всяких причудав» [ГМН, с. Аркаево; ППС Ф2008-2].

Противодействовать оборотню можно не только испуганным бегством, но и ответным нападением. Мужчины или «лютая» молодежь ловили и избивали оборотившегося, стараясь нанести емуувечье (отрезать ухо, выколоть глаз, отрезать пальцы, выстрелить из ружья и т.п.). Эти действия совершались с целью проучить оборотившегося (чтобы перестал «этим делам занимацца»), а также для того, чтобы затем определить, кто именно

«пириварачивацца». «Да, да, у нас эта бýла, бýла. Раньши ходили портными по сёлам шить, и вот они, значит, шли в Ждамирова-та — за ними привязалси поросёнак. Ага. Бижит и бижит, они иво пугают и всё — он бижит и и бижит. Один, значит, догадалси, в чём эта дела-та, взял ножницы — ёму ухо отхряпнул, и он, значит, убижал. А потом, значит: “Ну, кто, кто?” — и разузнал ведь кто-та: отрастил длинны волосы, ухо закрыл, чтобы иво ни узнали, узнали, что вот эта он, да» [БЗИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-12]. «У нас вот тут пыд гарой был дом — жила старуха. Вот у ней была систра Ирина — всё гаварят, вот тада пирибарабачивались, <...> делылась там лошидью. Вот ей глаз праткнули, вот ана когда бягла быком-та, и вот ей пикай и папали в глаз, вот ана тада была кривая-та, Арина кривая, да-да-да. Вот ана, грит, вот этим занималась» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян.]. «Эта были: у меня пашла систра на улицу, а вот здесь дом бальшой стаял, он у нас с калидорам, вот и за ними пабягla свинья. Ани на этат крyleц пабягли, залезли, а ана, грит, хрючит. Ну, ани сидели-сидели: “Айда!” — тут сиденка была рядом, сидели в сиденки ребята, девки. Пабигли туда — ана за ними, ани вылитили, адин гаварит: “Эх, у миня ружьё где-та! Ружьё, щас, грит, застрелим!” Ана тихонька-тихонька и убягла» [ЖЛЯ, с. Араповка; СЕВ Ф2007-18].

Ситуация опознания оборотня в некоторых текстах описывается как своего рода детективно-драматическое действие, специально направленное на разоблачение «преступника»: через некоторое время после нанесенияувечья «подозреваемого» навещают, чтобы окончательно убедиться в правоте своих предположений. После такой встречи оборотень обычно «бросаетходить». «Ну, как тёща, дяди маво раднова тёща была Кезьминска, — храмая... Иво батюшка жинил на ней, ни то, что ана... а за какии-та грихи. У ней была дочь. И вот эта самая тётинька — ана калдавала, привращалась в сабаку. Ана жила в Кезьмини, а дочь тут. И вот, грит, ни раз придём, грит, утрам карову дайти — малака нет. И дядя Вася пыдкарулил... <...> Он, грит, пыдкарулил — тяп ей [=собаке-оборотню] два пальца тапаром! И всё — ана ищезла. А, грит, поглядел: пальцы-та чилавечьи, а ни сабачьи! Он, грит, гаварит сваи жине: “Айда-ка, правёдам мать-ту: ни хварат ли? Што-та эта...” Приехали, грит, — ана на пичи лижит. “Ты што, мамынька, лижишь?” — как ведь бывала. “Да вот, Василий, — пальцы атрубила!” А он, грит, ей вынимат: “Эта вот ни твае?”» [ГМН, с. Аркаево; ППС Ф2008-2]. «Мать моя — сама очевидец. У ней портной жил на дому. Вечером они сидели, значит, сидели с лампами. <...> Под окном ходит свинья и хрючит. Он подошел к окну. Кто, мол, тут? А она хрючит в окошко. Ему говорили, что наряжался кто-то. А он взял портными ножницами и ухо-то обрезал ей. А утром-то пошел — ранние сходки были — заявил в Совет и стали всех созывать. Ну, вот когда созвали: “Скажите, кто, сознайтесь, у кого уха нет!” Никто не сознался. Тогда стали из помещения по-одному выпускать и проверять. У одной старухи уха-то и нет.

Жандармы ее плетью попороли, побили. Она клятву дала, что больше не будет» [ШЕТ, с. Ольховка; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.2, 1981].

Помимо описания встречи с оборотнем в рассказах и поверьях об этих мифологических персонажах нередко (но не всегда) детализируется способ оборачивания. Чаще всего упоминается двенадцать (один, шесть, девять, семнадцать, двадцать, двадцать шесть) ножей, через которые необходимо «перепрыгнуть», чтобы принять желаемый облик. В отдельных случаях этот процесс максимально детализируется: для «переворачивания» в двенадцать часов ночи уходили в баню или «дальши с глаз, чтобы ни видели никто» [БАГ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян.], втыкали в пол или землю ножи «лезвием вверх», читали заговор и несколько раз «пирикувыркивались» (иногда — через спину). «Да, гаварят, нужна вот иметь, ни знай, адин, ни знай, девить ли нажей. И вот эти нажи в астриё ставят и чириз них... ани какой-та заговор гаварят и — кувыркующца... Да, и привращающца вот в эту в свинью или ва што-та. Такии вот вещи» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-14]. «Как-та ана умела чириз двенадцать нажей — пирикувыркнёща, пирикáтища свиньёй, да. Калдывала чёрнай магией» [УЛА, с. Белый Ключ; СЕВ Ф2009-14]. «Вот двенадцать раз чириз нажи пирикувыркнёща чем ты — на чаво ворожишь. <...> Дельщица он и ходит ночь-та, и ходит» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян.]. «Пириварачивающца чириз двенадцать, грит, нажей. Да, лезвиим так вверх, наверна...» [БАГ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян.]. «В бани в двенадцать часов — чириз десить там чириз двадцать [ножей] там прыгнут — сделающца свиньёй или лошидью» [САП, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-10].

Изредка также рассказывается о необходимости пройти «огнинну рику» или «агнáнны рот» лягушки, для того чтобы научиться оборачиваться. Данные представления подтверждают близость персонажей «колдуна» и «оборотень» в традиционной культуре. «Эта ж как-та чириз ножи прыгают, там нада огнинну рику им проходить. Ну, эта книжки чёрны, чёрны книжки читают. А эта им наводнёний [=видение] в глазах. Вот у нас адин был горбатинский Костя. Мы в сильпо [=магазин сельского потребительского общества] грузчиками работали, тода строились. А он и говорил: “Я читаю эту книжку, чёрну книжку, всё её... нада прыгать”, — не найдать ножей, не найд, сколь, — как в высоту ли, я ни скажу, так ли класть, как он — мы иво ни допытывались. Грит: “Всё я прошёл, — там много энтих вон — по книжки всё, — но, грит, огнинну рику я ни прошёл”, — штоб вот обрытним-та быть. Он нам рассказывал, да» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-14]. «Свиньёй, лошидью [оборачиваются], — по-всякаму, грит. И свиньёй хрюкала во всё и хадила, — хрюкала-хрюкала. <...> Ани, гаврят, вот раств... как, гаврят, вот лягушка — растварят вот такой агнáнны рот, и вот чириз этат рот, грит, ани пралазют, када учущца кылдавать. Вот я слыхала. <...> Кувыркующца, грит, лазиют — то пад стол, то пад краватю, то так вот» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-14Ульян].

С представлениями о способе «переворачивания» связано описание еще одного типа взаимодействия оборотня и человека (помимо бегства и нападения): случайный наблюдатель может увидеть или каким-то образом помешать процессу оборачивания — например, украсть ножи, обнаружить одежду перевернувшегося. Эти действия также могут быть направлены на то, чтобы прекратить «хождение» оборотня или узнать, кто «нарижаицца». «Эта мама рассказывала: тожи у одновременно жина пропадают и пропадают, — да што ты, куда: как двенадцать часов ночи, так и убягат, убягат из дома. Яму стали говорить: “У тибя жина наряжаицца свиньёй”. <...> Он один раз вот так вот взял да послил за ней, послил, куда она пошла. Пошла в баню. Раскладыват двенадцать ножей, чириз них, чириз эти ножи пирикувыркиваца три раза, — и свинья, выбигает и — свинья. Да, он увидел эта и взял ножи-та спрятал, эти ножи взял да спрятал. Она, слышь, три дня домой-та ни приходила: побегат-побегат, прибижит — ножей-та нету, побегат-побегат — ножей-та нету. Он взял и положил одиннадцать ножей, а двенадцатый ни положил. Она пирикувыркнулась, а ушей-та нет, уши-ти — свиняччи остались. И ходит в платке. Он и её спрашиват: “Ты што, Мань, ходишь в платке?” — “Да так просто што-та, ни знаю, хожу в платке и всё”. — “Ну-ка сними платок-та!” — она ни снимат. “Сними, сказал, платок тибе!” Она яво начала просить: “Иди положи ножик-та, положи иди ножик-та”. Он пошёл положил ножик-та, она три раза пирикувыркнулась — и уж всё нормальна стала. А эти ножи закинул» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-2].

Отметим, что, несмотря на актуальность рассмотренных выше представлений, в настоящее время, рассказывая об этих мифологических персонажах, информанты соотносят описываемые события в основном с прошлым (иногда — отдаленным). Распространенным объяснением того, почему сейчас мало говорят о встречах с оборотнями, является утрата «веры» (в широком смысле этого слова) и, как следствие, — падение нравов: люди сами стали похожи на оборотней и нечистую силу. Сентенции о прошлых временах и сегодняшнем падении нравов часто оформляются с помощью сходных речевых оборотов и обычно выполняют функцию финальных формул рассказа о конкретном случае столкновения с «перевернувшимся». «При мне, я ни знаю... Вот абарачивались — эта раньши рассказывали» [ЗАА, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47]. «Раньши и люди ни знай какии были, а ныни никто ни пирикирнёцца, никто ни напугает никаво. Сам чёрта напугашъ.. Щас чёртура гага паабламаит маладёжь!» [ПНВ, ПА, с. Вальдиватское; СЕВ Ф2005-4]. «Были эти [=оборотни]. Но щас ни знай: щас сами — как враги. Щас, наверна,ничаво нет» [УЛА, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47]. «И уши атрезали, да. Раньши... щас маладёжь ведь ани ни верят, щас эта вата нет, а раньши парассказывали — вот жила я среди этих бабык — у-у-ух, Божи мой! Сколька всяких чудес» [УЛА, с. Белый Ключ; СЕВ Ф2009-14].

Е.В. Сафонов